

Эрн В.Ф. «И на земли мир». 25 декабря // Утро России. 1914. 25 дек. № 322. С. 1-2. Печ. по: Эрн. В.Ф. Сочинения. С. 339-341.

«И НА ЗЕМЛИ МИР»

25 декабря

«Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение»...* И вместо мира на земле — величайшая из всех войн и величайшая из всех распрей.

Когда зажглись рождественские звезды — сколько сердец на обширной Руси во всем мире содрогнулось от тоски и печали по далеким и близким — по братьям, по сыновьям, по нашим родным солдатам, которые в стуже и холоде, оторванные от своих, в этот великий вечер встречали в окопах, в траншеях, быть может, в штыковых атаках, под визг гранат и грохот орудийной пальбы — самый мирный и сказочный праздник, какой только имеется на земле.

«Вот оно благоволение в человецех, вот он мир на земле», — могли подумать многие, и видимый контраст между небесной правдой и земным морем ужасов как будто оправдывал эту малодушную мысль. У нас и вообще склонны поражаться контрастом между мирной верой нашей и воинственным нашим одушевлением, а в этот вечер удивление, тоска, страх за наше духовное состояние должны были стать как будто совсем законными и нормальными.

Но это только «как будто», только «видимо», только по внешнему и малодушному суждению.

Я думаю, что за много-много десятилетий мы не встречали Рождества более достойно, более свято, в более высоком настроении, чем в настоящее время, и, может быть, никогда, несмотря на все ужасы войны, душе нашей, всему народному нашему существу, не были ближе слова: «Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение».

Между Божьим миром и миром человеческим есть настоящий антиномизм. Мы говорим: мир, когда мы торгуем, посягаем, обманываем, когда одни задыхаются от работы на других, когда цивилизованные нации медленно сживают со свету стариннейшие дикие племена, когда все в человечестве разделено на партии, группы, мнения, классы, организации, кружки и все враждуют против всех, борясь самым грубым и бесцеремонным образом за «места под солнцем», за власть, за преобладание, за сытость, за высокие идеи. И над всеми борющимися, над победителями и побежденными, ходит смерть и косит ровными, неумолимыми и непрерывными рядами человеческую жатву. И это называют миром!

Мир же Божий есть категория внутренняя и абсолютная. Он идет своими путями, иногда совпадая с миром человеческим, иногда расходясь с ним до величайшего контраста и отрицания. Мир Божий может расцветать в величайших потрясениях и катастрофах и вянуть, блекнуть, падать во времена человечески-мирные и «благоприятные». Как кровавы, как беспокойны были столетия, когда христиан предавали всяким мучительствам! И станет ли кто-нибудь отрицать, что именно в эти столетия цветы Божьего мира с особою силою расцветали на земле, — с такой силой, что римские катакомбы до сих пор хранят в своем мраке их чудесное, исключительное благоухание? Скворода всю жизнь, остервенясь, странствовал, гонимый душевными бурями, по лесам и полям, и в этих видимых бросаниях с одного места на другое невидимо рос и укреплялся в нем мир душевный, мир Божий.

Но этот безусловный мир расходится не только со спокойными формами жизни. В себе самом он несет победу над смертью и, отменяя ее, вырывая внутреннее жало ее, порождает совсем особое отношение к смерти. Страшна становится смерть духовная, которая особенно процветает в «мирные времена», и совсем не страшна смерть физическая, которой так много в военные и бурные времена. И вот то, что является «миром» по доксе * человеческой, онтологически становится гибелью, смертью, враждой; то же, что люди малодушно признают за ужасы и потрясения, с религиозной точки зрения превращается в небесную тишину и лазурь.

О, конечно, не все войны и потрясения служат делу Божьего мира! Много, слишком много войн были сгущениями ненужной вражды и манифестациями непросветленных, стихийных сил. Но ведь мы говорим не о войнах вообще. Мы говорим о теперешнем Рождестве, о том, которое со вчерашнего вечера осенило Восток. Эта война имеет величайший духовный смысл, и ее целительную силу мы испытали в полной мере. Уже первые дни ее принесли чудесное, невысказанное в мирные времена — освобождение от водки. И вот завоевания настоящего мира: во все другие Рождества стоял пьяный гул, и сколько отвратительных сцен разыгрывалось на всем пространстве нашей родной земли! Теперь же война целительным подъемом чувства снесла и этот безобразный гул, и тяжелые сцены. Война вызвала в нас торжественное примирение с братом — с обиженной некогда Польшей. И это Рождество мы встречаем, облегченные сброшенною тяжестью, с настоящею победою над духом вражды и обиды.

Наша народная совесть уже давно не была так чиста, как в настоящую войну. Мы не боремся за себя, за свое материальное бытие. Мы ничего не искали в этой войне. Мы вовлечены в нее Божьим Промыслом, и для нас эта война прежде всего жертвенный подвиг, вольно и безропотно принятый на себя всем народом. Там, в окопах, творится настоящее таинство нашей истории и свершаются величайшие напряжения нашей народной воли. Или в мирные времена мы никуда не годимся и не смеем говорить ни о каком «мире на земле», или сейчас, в священной борьбе, мы свершаем величайшее завоевание Божьего

мира и жертвенной кровью многострадального нашего воинства мы обретаем небывалое, не пережитое еще нами «благоволение в человецех».

Антиномия Божьего и человеческого мира никогда, кажется, не воплощалась в истории с такой остротой и в таких масштабах. Но ведь рождественское благовестие пастухам говорит о мире Божьем, а не человеческом и о благоволении внутреннем, а не внешнем. Поэтому мы можем с радостью думать, что в прошлые «мирные» времена мы были бесконечно дальше от этого благовестия, чем в настоящие времена смятения и борьбы народов, и что вот, наконец, наступило Рождество, когда мы приблизились, как никогда, к настоящему, внутреннему Божьему миру. И пусть малодушные сомневаются и удивляются, мы же, чувствуя себя в живой цепи народного чувства и священного народного дела, посреди всех испытаний и ужасов, с удвоенной верой скажем:

«Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение».